Функционально-смысловые типы речи в разных стилях и жанрах: от беллетристики к non-fiction

С. В. Чебанов, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393 «Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики».

В статье рассматривается возможность переноса различения описания, повествования и рассуждения, сформировавшегося на текстах, относящихся к сфере здравого смысла, на функционально-смысловые типы речи non-fiction науки, техники, менеджмента.

Тяготение науки к концентрации внимания на панхронии (в противоположность диахронии), оперирование лабораторным временем, вычисляемым по показаниям часов (а не длением как событийным временем) определяют превращение повествования об изменении свойств объекта в описание его кинематики.

В итоге неэксплицированное разнообразие описаний оказывается огромным — от алокативных описаний идеальных конструктов, через построенные на локативных отношениях описания мест, пространств и геометрий до описаний фазовых пространств и пространственно-временного континуума с псевдопространственной временной координатой.

Принципиально же алокативные и ахроничные умозаключения логики при перенесении на реалии, обладающие пространственно-временной определенностью, превращаются в тексте в рассуждения, которые становятся предметом общей теории (доктрины) дедуктивных умозаключений.

Ключевые слова: функционально-смысловые типы речи, описание, повествование, рассуждение, стили речи, non-fiction, ахрония, син-

хрония, диахрония, панхрония, место, пространство, геометрия, умозаключения.

The functional-semantic speech types in different genres and speech styles: from bell-lettres to non-fiction by Sergey V. Chebanov, St.-Petersburg State University. The article discusses the possibility of transferring the distinction of description, narration and reasoning, formed on texts related to common sense, to functional-semantic types of speech non-fiction of science, technology, management, etc.

The tendency of science to concentrate on panchrony (as opposed to diachrony), operating with laboratory time calculated from the chronometer (but not by *durée* as event time) determines the transformation of the narrative about the changes in object into the description of its kinematics.

As a result, the unexplicated variety of descriptions turns out to be enormous — from alocative descriptions of ideal constructs, through descriptions of places, spaces and geometries built on locative relationships to descriptions of phase spaces and the space-time continuum with pseudo-spatial time coordinate. Fundamentally alocative and achronic logic inferences are transferring to realities that have space-time certainty, turn into reasonings in the text, which become the subject of a general theory (doctrine) of deductive inference.

Keywords: functional-semantic speech types, description, narration, reasoning, styles of speech, non-fiction, achrony, synchrony, diachrony, panchrony, place, space, geometry, inference.

К столетию Ольги Александровны Нечаевой (1919—2008)

Функционально-смысловые типы речи как феномен культуры

Изучение и даже осознание самого факта существования как культуры в целом, так и отдельных ее пластов оказывается сущностно парадоксальным — их обнаружение гуманитарно-ориентированным сознанием начинается с фиксации на высших, весьма специализированных формах явления, свойствам которых припи-

сывается универсальный характер, но которые позже оказываются довольно редкими, а в известной степени даже периферическими примерами соответствующего явления.

Так, для такого сознания культура — это художественная культура высокообразованных и хорошо нормативно социализированных («воспитанных») людей. Осознать при этом, что культура свойственна и неграмотным, деклассированным, криминальным элементам оказывается почти так же сложно, как согласиться с тем, что не менее важным элементом культуры является способ расчета логарифмов чисел или приемы организации выгребных ям.

Точно также в огромном количестве исследований, посвященных экранной культуре (см., напр. [51]), речь идет о кино, телевидении, видео, компьютерных играх, но не о превосходящих их во много раз по количеству экранах промышленных, транспортных и иных технических мониторов, не говоря уже о каминных экранах Древнего Рима или Китая.

Точно также практически до начала XX в. лингвистика развивалась как изучение нормативной письменной литературной речи, в то время как изучать повседневную разговорную речь, профессиональный жаргон трубочистов или рыбаков не приходило в голову, как не возникало и желания исследовать заборные надписи, если только их возраст не исчислялся тысячелетиями.

Описание, повествование и рассуждение как функционально-смысловые типы речи

Подобным образом и произведенное О. А. Нечаевой [25] различение описания, повествования и рассуждения как функционально-смысловых типов речи (ФСТР) относилось в первую очередь к беллетристике, текстам, связанным с повседневной жизнью человека и близким к ним текстам. Уже описания в инструкциях

по использованию бытовой техники вызывает определенные проблемы (ср. [7]). При этом по умолчанию принимается, что речь идет об описаниях, повествованиях и рассуждениях на естественном (русском, английском, французском...) языке. Лишь изредка в этих исследованиях авторы обращаются к ФСТР в специальной литературе — в нейрофизиологии [25: 47], в химии и в экономической географии [25: 50].

Если же речь идет о текстах, которые представляют разные стороны окружающей действительности, и выражены математическими символами, химическими формулами, танцевальными па, мазками краски и т. д., то ситуация оказывается значительно менее определенной [41: т. 1.: гл. 1; 45; 46; 47]. Примечательно при этом то, что танцевальные па или мазки краски как техники выражения приближаются к средствам художественного творчества, а по содержанию они могут служить для передачи весьма специализированного смысла профессиональных видов деятельности (науки, экономики, управления и т. д.) или иных форм творчества.

Представляется, что анализ подобных не совсем привычных для филолога по сути мультимодальных [18; 50] текстов и является одним из интереснейших направлений изучения ФСТР. Этому посвящена настоящая статья, подготовленная по предложению организаторов конференции «Современный текст: традиции и новаторство» (29.04—2.05 2019 г., Улан-Удэ), участие в которой на условиях организаторов оказалось для автора невозможным.

Рис. 1. Фрагмент колонны Траяна как повествования об истории (Рим, 113 г. от Р. Х.).

Башни представлений

В результате того, что ФСТР отдельных частей текстов и средства их выражения не связаны одно-однозначными соответствиями, ФСТР очень многообразно реализуются в разных жанрах и стилях речи. При этом речь должна пониматься очень широко. Это определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, даже если обсуждается только обыденная речь и беллетристика, то нередко вербальный текст сопровождается невербальными семиотическими средствами — художественными иллюстрациями, техническими рисунками, рукописными схемами, кино- и видеоматериалами, жестикуляцией и т. д. При этом, скажем, пейзаж или портрет [27] будут дополнять вербальное описание, а кино, видео или комиксы — повествование [23]. Как

способ представления повествования могут выступать, например, произведения жанровой живописи, колонна Траяна (Рис. 1) или клейма житийных икон православных святых (Рис. 2).

Рис. 2. Святой Николай Чудотворец с житием (Новгородская школа, XIV в., Никольская церковь, с. Озерово, Лен. обл., Русский музей).

Специальный язык формул формальной логики (включая их иллюстрацию диаграммами Венна) разработан для представления рассуждений (Рис. 3).

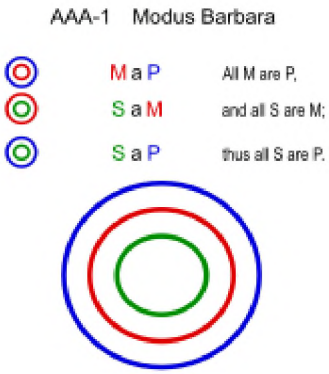


Рис. 3. Модус Barbara простого категорического силлогизма

При этом, как и в случае вербальных текстов, возникает проблема различения, скажем, живописных описания и повествования, логического описания вывода и его текстового представления как повествования.

Так, «Над вечным покоем» И. И. Левитана — безусловно, описание (Рис. 4), а «Девятый вал» И. К. Айвазовского (Рис. 5) — скорее, повествование, хотя при некотором взгляде его можно интерпретировать и как описание.

Независимо от трактовки картина может стать предметом экфрасиса как особого типа описания. Например, Светлана Мельникова так описывает «Девятый вал» И. К. Айвазовского:

> «Бушует стихия, как зверь разъяренный,
> И сине-зеленые волны качает,
> Могуществом, властью, Всевышним даренной,
> Пьяна, жутким воем разгул свой венчая.»
> https://www.chitalnya.ru/work/2025148/

Рис. 4. И. И. Левитан. «Над вечным покоем»

Рис. 5. И. К. Айвазовский «Девятый вал»

Рис. 6. Андрей Рублев. «Троица». 1411 или 1425—1427 г.

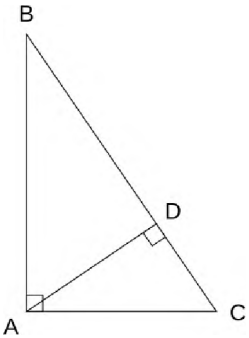
Подобным образом повествование о гостеприимстве Авраама (Быт., 18.1—22) представлено в описании трех юношей у стола в иконописном («иконо-описном») изображении св. Андрея Рублева (Рис. 6), которое, в свою очередь, оказывается темой экфрасиса как особого описания у о. Сергия:

«Три юноши под никнущей лозой
Предстали мне, с лучистыми кругами
Вокруг кудрей. У круглого стола
Они сидели, но ни вин, ни брашен
Не видно было: только посреди
Таинственная чаша с виноградом
Стояла, и над нею средний ангел
Простер с благословением персты.»
о. Сергий Соловьев. ТРОИЦА РУБЛЕВА.

Далее этот экфрасис может быть предметом обычного текстологического анализа, сочетающего разные ФСТР.

В таком случае возникает то, что по аналогии с теориями в логике можно назвать башней представлений. При этом, если в художественной культуре такие башни — нечто факультативное и не очень частое, то для профессиональных текстов в науке, технике, менеджменте такие башни почти обязательны.

Так, в принципе неизобразимые геометрические фигуры с линиями нулевой толщины, представляются в виде чертежей, которые затем описываются формулами и специальными знаками, являющимися решениями задач или доказательствами теорем (т. е. рассуждениями), но представленные как особые формы экфрасиса (т. е. как описания — Рис. 7.).



ABC есть прямоугольный треугольник, AD — перпендикуляр, опущенный на гипотенузу из вершины прямого угла. Треугольники ABC и DBA подобны, т. к. имеют по прямому углу и еще общий угол B. Площади подобных треугольников относятся как квадраты соответствующих сторон. Значит $S_{DBA}/S_{ABC} = AB^2/BC^2$. Аналогично $S_{DAC}/S_{ABC} = AC^2/BC^2$. Поскольку треугольники DBA и DAC составляют треугольник ABC, то $S_{DBA} + S_{DAC} = S_{ABC}$. Отсюда $(AB^2 + AC^2)/BC^2 = 1$ или $AB^2 + AC^2 = BC^2$.

Рис. 7. Чертеж к теореме Пифагора и ее доказательство

С другой стороны, описание одного из самых абстрактных математических объектов — группы — сопровождается картинками (математический термин — Рис. 8), после чего формульно-словесный текст может рассматриваться как экфрасис.

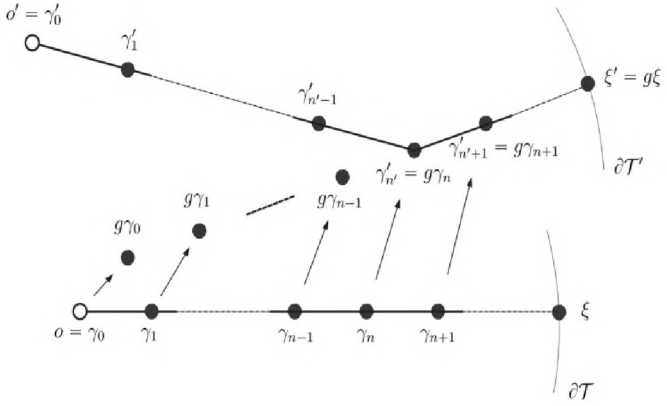


Рис. 8. Картинка группы [52].

Проблема соотношения описания и повествования

Если взять, например, расписание какого-либо транспорта, то это будет *таблица* чисел, записанных цифрами, либо с указанием часов и минут отправления и прибытия транспорта, привязанная к какому-либо остановочному пункту, либо таблица с указанием часов и минут прибытия и убытия с определенного остановочного пункта на маршруте движения транспортного средства. Что это — повествование или описание?

Критерием их различения является разворачивание представляемого в тексте во времени. Есть ли в данном случае разворачивание во времени?

Строго говоря, нет. В расписании приводятся показания ***часов***, при которых с транспортным средством, находящемся в указанном остановочном пункте, будут происходить те или иные события (прибытие, стоянка, отправление). Интервалы, задаваемые показаниями ***часов***, будут относиться к тому, что А. Бергсон относил к внешнему физическому времени, в противоположность длению (длительности) как времени событийному [4]. Интервал внешнего времени может неопределенно большое число раз повторяться (так, поезд определенного номера проходит между теми или иными станциями многократно с интервалом в сутки, двое или иной периодичностью, предусмотренной расписанием). Интервал же дления уникален и неповторим. При этом часто течение дления отождествляется (совершенно неправомерно!) с показаниями часов. Пользуясь же представлениями О. А. Нечаевой [25: 103—107], расписание в качестве повествования можно было бы квалифицировать как обобщенно-сценическое информационное повествование (хотя такой тип повествования в указанной работе не рассматривается), целесообразность чего будет обсуждена далее.

Однако представляется, что более точным и последовательным было бы квалифицировать такое расписание как описание (ср. наличие в этих словах общего корня). Дело в том, что в данном случае несомненна апелляция именно ко времени, соотносимому с показаниями часов (т. е. к тому, что повторяется изо дня в день вне зависимости от сезона года, погоды, возможно дня недели и т. д.). Это именно *описание* некоторых событий, повторяющихся в определенной последовательности. Время же как дление (которое может проявиться, скажем, в опоздании транспорта из-за какого-то уникального стечения обстоятельств) в его неповторимости просто не принимается при этом во внимание (ср. трактовку времени С. В. Мейеном в [32]).

Пользуясь различениями Э. Косериу ахронии, синхронии, диахронии и панхронии [19], следовало бы квалифицировать расписание движения транспорта как панхроническое описание того, что постоянно повторяется во времени (в диахронии). Эта сверхважная особенность панхронических описаний связана с фундаментальными характеристиками научного типа мышления, осознанными как у истоков европейской науки, так и акцентированными в философии естествознания века двадцать второго.

В связи с этим, прежде всего, необходимо уточнить, что такое знание. Эта проблема достаточно старая, и она восходит к Сократу и разрабатывается в одной из сократических школ — платоново-аристотелевской Академии [30]. В ней вырабатывается представление о различии знания и мнения и о том, что знание может быть связано только с непреходящими (неизменными) свойствами.

Указанное обстоятельство надолго исключает из сферы знания все, что может быть предметом повествования, причем такое положение вещей сохранилось в европейской науке вплоть до

XVIII в. и порождает концептуальные напряжения даже в современной науке.

Второе обстоятельство относится к границе XIX и XX вв., когда формируется представление о четырехмерном пространстве-времени Минковского (с псевдопространственной временно́й координатой [35]), между разными точками которого можно перемещаться как между точками пространственного континуума. При этом представление действительности как набора точек-событий в этом мире рассматривается как идеал физического знания [22]. Очевидно, что реализация такого идеала снимает саму возможность существования повествования, делает в идеале допустимым в качестве ФСТР только *описание* особенностей этого пространственно-временного континуума. Очевидно, что такое описание должно быть панхроничным и на уровне глубинного смысла синонимичным панхроническому по сути обобщенно-сценическому повествованию. При этом такое повествование оказывается привязанным к гномическому времени [29: 198 и далее]. Б. Б. Родоман называет это динамической статикой [33: 336]. На основе наблюдений над прекогнитивными сновидениями аналогичные представления развивал Д. У. Данн [14]. Сходно с ними и представление о мире как совокупности хронокомпонентов [33: 152—154].

Пользуясь математическими категориями можно сказать, что это будет некоторый эпигенетический ландшафт (Рис. 9) в понимании Ч. Уоддингтона — Р. Тома [36; 53] или фазовый портрет некоторой динамической системы (Рис. 10) в трактовке В. И. Арнольда [3].

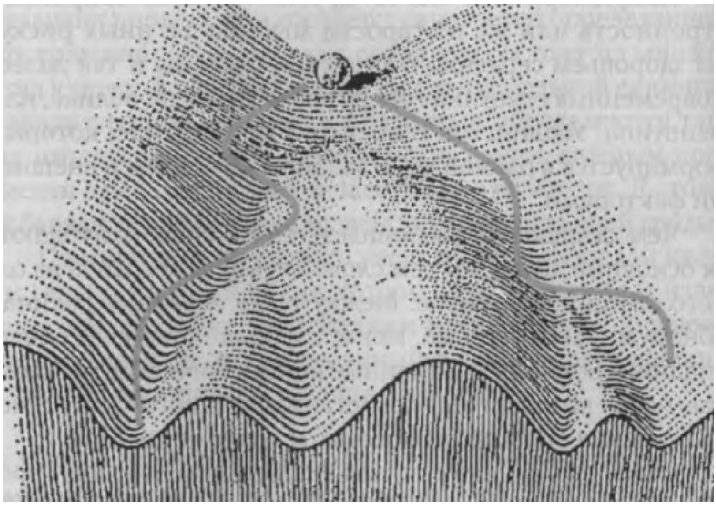


Рис. 9. Эпигенетический ландшафт

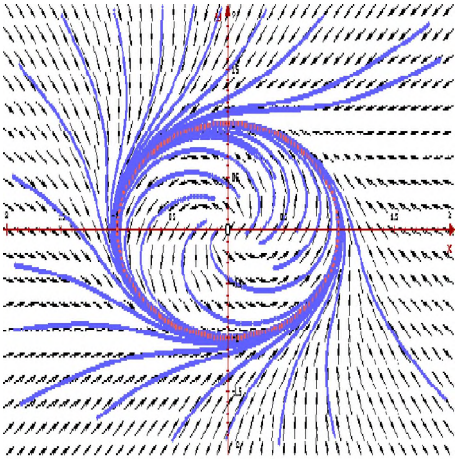


Рис. 10. Фазовый портрет системы $\begin{cases} x' = -y + x\left(1 - x^2 - y^2\right), \\ y' = x + y\left(1 - x^2 - y^2\right) \end{cases}$.

Портретируемая система уравнений является кратчайшим описанием данного фазового портрета в имплицитной форме. Но можно давать и словесное описание (экфрасис) этого фазового пор-

трета, указав выделенную точку в начале координат и аттрактор в виде окружности с R=1, что делает наличие башни представлений в данном случае очевидным.

Весьма показательно то, что здесь совершенно иными путями и в иной логике возникает идея портретирования — описания уникальных свойств конкретной динамической системы, по самому виду графиков состояния которой специалистом распознается тип системы и ее основные характеристики. Эта ориентация на описание уникальных свойств конкретного объекта и составляет суть портретирования, при том, что О. А. Нечаева не указывает на такую ориентацию как на характеристику портрета, хотя приводимые примеры и их разбор, безусловно, свидетельствуют об этом [25: 71—75].

Принимая во внимание сказанное, можно утверждать, что вообще всякое представление изменения свойств объекта или характеристик ситуации в результирующем научном тексте является описанием, а не повествованием.

На первый взгляд, антиподом такому тексту будут записи в лабораторном журнале или полевом дневнике, а то обстоятельство, что в них будут присутствовать привязки к дням, часам, минутам и даже секундам (не говоря о годах; в этом случае в качестве часов выступает календарь) будет свидетельствовать о том, что это и есть подлинное повествование. Однако, ситуация не столь проста.

Дело в том, что все такие привязки — это привязки не ко длению (как это необходимо для того, чтобы фрагмент текста квалифицировать как повествование), а к показаниям часов. При этом если важно именно физическое время, то важны именно показания часов, а привязка к длению (смысловому времени) вообще не принципиальна. Так, если взять элементарные и вместе с тем фундаментальные уравнения кинематики, то для равноускорен-

ного движения в скалярной форме мгновенная скорость описывается как $v_t = v_0 + at$, а путь как $S_t = S_0 + v_0 t + at^2/2$, где a — ускорение, v_0 — начальная скорость, S_0 – начальное расстояние, а S_t — расстояние в момент t. При этом в них фигурирует переменная t, называемая обычно временем, хотя это именно время, вычисленное по показанию лабораторных часов (и поэтому, в лучшем случае, иногда называемое лабораторным временем). При этом приводимые формулы хотя и передают механическое движение, имеют абсолютно панхронический смысл и в этом отношении являются совершенной реализацией научного описания (и именно так называются физиками), а не повествования.

Для того, чтобы превратить такое описание в повествование потребуется нетривиальная концептуальная работа, суть которой заключается в превращении универсальной панхронии лабораторного времени в уникальную диахронию дления. Самый прямой, очевидный и вместе с тем самый сложный способ осуществить это — индивидуализировать хотя бы какие-то мгновения рассматриваемого интервала времени. Одним из вариантов такой индивидуализации является личное переживание какого-то момента как уникального. Наличие в интервале времени хотя бы нескольких таких моментов превращает его в личном мире человека в какой-то период дления. Однако, выделение такого периода дления является принципиально индивидуальным. Если оно закреплено в каком-то тексте (пусть даже — и скорее всего именно так — предельно импрессионистическом), именно он и будет повествованием. Именно с этим связано представление В. Дильтея о том, что история может постигаться только через понимание жизни [31].

Для того, чтобы эти переживания времени-дления стали достоянием общего опыта, необходим совместный опыт со-проживания ситуаций. Так, например, если школьнику объясняется, что

такое путь, расстояние, скорость (притом, что у него, безусловно, есть опыт неотрефлексированного интуитивного освоения этих категорий), то необходима будет лабораторная демонстрация (любой степени примитивности) того, как будет выбрано тело, движение которого изучается, где будут располагаться начальная и ожидаемая конечная точки движения, как будут зафиксированы начальное и конечное время движения, которые явно или неявно будут привязаны к календарю, наблюдение за тем, кто и как приведет тело в движение и зафиксирует характеристики этого движения и т. д. В результате даже одна минута того, что фигурирует в формуле как t, будет развернута в довольно большое повествование, с указанием места действия, участников, происходящих побочных событий (кто-то кашлянул, кто-то задал вопрос во время запуска шарика и т. п.). При этом крайне важно то обстоятельство, что такое повествование будет содержать довольно много дейктических моментов — прямых указаний на предметы, людей, места и события, известных всем участникам взаимодействия с текстом. Все средства оторвать такое повествование от конкретных участников и обстоятельств событий, заменить дейксис какой-то категоризацией будут приближать повествование к описанию. Так, замена Федора Ивановича с Мишей, Петей и Таней на учителя с учениками, большого учительского стола с поцарапанной левой ножкой на демонстрационный стол, места, в котором находятся Федор Иванович, Миша, Петя и Таня, на кабинет физики школы № 5 и т. д. будут шагами к превращению повествования в длении в описание во времени.

При этом для того, чтобы описываемое было понятно более широкому кругу лиц, необходимо уникальным реалиям, вводимым в текст посредством дейксиса, придавать какую-то категориальную презентацию, что по отношению к длению будет превращать-

ся в его представление через время, отсчитываемое через показания часов и календарей.

Примечательно при этом то, что обстоятельственные слова, передающие последовательности событий (*сперва*, *потом*, *изредка* [25: 130]) будут относиться не к длению, а ко времени и обозначать соотношения каких-то стадий повторяющегося (актуально или потенциально) процесса.

В начале XX в. казалось, что А. Бергсон нашел универсальное средство фиксации длeния, а не лабораторного времени — кинематографический метод [4]. Однако, позже было показано, что кинематографический метод позволяет передавать не ***течение*** длeния, а ***следы*** течения длeния, которые опять же являются синхроническими срезами, разделенными некоторыми равными (или неравными) интервалами, а не диахронией (ср. [11]). Как постигать последнюю остается неясным даже концептуально вплоть до настоящего времени.

В обыденном сознании и даже у части профессионалов существуют довольно превратные представления о времени, длении, часах и их соотношении (см., напр., [32]). Это можно проиллюстрировать на примере довольно больших интервалов времени (от нескольких миллиардов до первых сотен лет), которые изучают планетологи, геологи (палеонтологи) и археологи (палеоантропологи), относя эту проблематику к сфере стратиграфии (см., напр., [24]).

В основе стратиграфии лежит представление о том (принцип Н. Стенона, 1669 [10]), что ископаемые фрагменты существовавших в прошлом объектов (геологических тел, живых организмов, археологических артефактов и т. п.) встречаются в геологических отложениях и культурном слое не в хаотическом порядке и сочетаниях, а в порядке, определяемом состоянием активного функционирования этих объектов и в сочетаниях, определяемых

характером этого функционирования. Некоторые типы процессов способны изменить эти соотношения, поэтому перед стратиграфами стоит задача обнаружить эти процессы и учесть их вклад в итоговую картину.

Существует два направления стратиграфии, которые находятся в более или менее тесном взаимодействии — относительная и абсолютная [24]. Относительная стратиграфия основана на определении последовательности событий имевших место в геологическом или историческом прошлом и соотнесении интересующих событий с теми или иными подразделениями стратиграфической шкалы. Абсолютная стратиграфия (абсолютная (гео)хронология) стремиться к тому, чтобы определить время (исчисляемое по показаниям тех или иных часов), в которое произошли те или иные события и далее напрямую соотносить (коррелировать) эти события друг с другом. Для того, чтобы осуществлять это, абсолютная геохронология постулирует постоянство течении времени (по крайней мере, в пределах рассматриваемого интервала), а отсчитывает это время по часам, в качестве которых выступает процесс распада радиоактивных изотопов (например, уран-свинцовый, свинец-свинцовый, калий-аргоновый методы для древних отложений и радиоуглеродный для кайнозойских [26]). При этом постулируется и постоянство распада этих изотопов на протяжении геологической истории.

При этом очевидно, что абсолютная геохронология имеет дело со временем, а представляемые в ее рамках события могут быть предметом только описания (не повествования). Относительная геохронология (стратиграфия) улавливает хотя бы некоторые события, связанные с длением, что допускает в рамках нее существование повествования (ср. образ палеонтологической летописи и «*Повести* **временных** лет» как образцов повествования).

Хорологические категории и типология описаний

Аналогичное положение дел существует и в отношении хорологических категорий — места (с топологией отношения мест), пространства и геометрии пространства.

Место — это, согласно Аристотелю, конкретное вместилище конкретной вещи [2; 1]. Строго говоря, места — это совокупность отношений соседства в разных чередах [40]. Череды могут быть по отношению к другим вещам (места в узком смысле слова), по отношению к разным состояниям одной вещи (мгновения дления) и смысловые места (например, иерархии). При этом места уникальны и несопоставимы друг с другом.

Развивая понимание Аристотеля, можно вводить отношения заменяемости мест. Таким образом возникает идея пространства. Пространства могут различаться топологиями (например, принятием или непринятием аксиомы Евдокса — допущения того, что между любыми двумя точками существует хотя бы одна третья). Следуя таким путем, далее можно вводить те или иные метрические отношения в пространстве и тем самым строить ту или иную геометрию.

При этом принципиально возможно описание вещей как в тех или иных местах (отношения удаленности по определенному маршруту), так и в пространстве с неопределенной или определенной геометрией, задающей расстояния, вычисляемые по траекториям. Различение этих трех классов описаний может быть соотнесено с конкретными и обобщенными описаниями О. А. Нечаевой [25: 64—68].

Так, составить конкретные описания мест средствами повседневной речи практически невозможно — в лучшем случая можно осуществить привязку к географическим координатам и результатам геодезической разметки, т. е. как и в случае повествования,

ограничиться дейксисом. Однако собственно описание в этом случае возможно посредством поэтических метафор, какой-то зауми, подобной В. Хлебникову, основанной на фоносемантике, или, например, танца (у автора есть опыт начала работы над балетом о теоретической биологии).

Обобщенные описания мест тоже возможны, причем они могут быть даны живописными средствами. Так, можно говорить о поленовских уголках Москвы («Московский дворик» — Рис. 11 — основной вариант; есть вариант для И. С. Тургенева, «Бабушкин сад» — Рис. 12 — В. Д. Поленова) и можно пытаться дать их описание. Н. А. Ионина делает это следующим образом: «типичный уголок старой Москвы — с ее особнячками, церквами, заросшими зеленой травой двориками, с ее почти провинциальным укладом жизни. ... Эта будничная суета не нарушает безмятежной ясности и тишины... любовь делает поэтическими самые обычные прозаические вещи ... все дышит поэзией правды: ... и даже покосившиеся хозяйственные пристройки. Рядом с этими покосившимися сараями, колодцем и заборами сверкают белизной нарядные особнячки, стройные храмы, легко взлетают вверх кружевные колокольни, блестят в лучах солнца купола церквей... И над всем этим царит бездонное небо...» ([17]; ср. обобщенно-сценические повествования — см. выше). Примечательно, что обе картины Поленова могут интерпретироваться и как повествование (что в большей мере относится к «Московскому дворику»). Другим примером описания может служить то, как С. Д. Довлатов передает Ленинград через мокрые мостовые.

Рис. 11. В. Д. Поленов. «Бабушкин сад»

Рис. 12. В. Д. Поленов. «Московский дворик»

Особым типом обобщенных описаний мест являются принятые в описательном естествознании морфологические описания [40: т. 2: 50—68; 45: 166—176]. В обсуждаемом аспекте они интересны именно тем, что это именно обобщенные описания мест, прежде всего, отношений между местами. Так, если взять гетевскую триаду «корень — стебель — лист» («Члены растения все были готовы давно — Корень, и стебель, и лист» [9: 31]), то как *органы* («члены») растения они вообще не имеют никакой локации, а связаны только отношениями взаиморасположения (топо-

логическими, но не геометрическими, т. е. не характеризуются углами, размерами и т. д.): лист может располагаться на стебле (не на корне), корень — на стебле (не на листе), стебель — на корне (не на листе), причем эти отношения никак не связаны с отношениями «выше — ниже» или «под землей — на земле — над землей» (возможны все варианты за счет существования воздушных корней, подземных стеблей и листьев и т. д.).

В географии даже предложен специальный тип изображений мест (отличных от пространства) — картоиды [33: 17—208]. Строго говоря, картоиды сами по себе являются невербальным способом обобщенного (как правило) описания мест, другим вариантом чего является легенда картоида, а третьим — словесное описание картоида (еще один пример башни представлений). Внемасштабный план местности или помещения (например, сделанный от руки в ходе беседы) может рассматриваться как конкретное описание мест.

Характерной чертой описаний мест является то, что описываемые места заполняют описываемую территорию не сплошным образом, а пятнами (вопрос о том, как представляется то, что находится между этими пятнами представляет самостоятельный интерес). Именно как пятна в ландшафте мыслятся урочища как выделенные места [37; 42].

Значительно чаще дается описание пространств. Пространство выступает при этом как некоторое универсальное *пустое* вместилище, которое может чем-то (природа чего не меняет свойств пространства) заниматься. Это «что-то» может быть чем угодно, от чего, при традиционном взгляде на мир, пространство не будет меняться. В таком случае традиционное конкретное описание объекта в пространстве осуществляется посредством дейксиса — привязки к какой-то метке в пространстве, соотнесения с каким-то репером. Предполагается также, что если сохра-

нен репер, то будет разыскан и соответствующий объект. Обобщенное описание в пространстве строится либо на том, что описываются общие реперы для группы близкорасположенных объектов, либо на описании соседства разных объектов со сходными реперами (например, относительно уровня моря, берега реки и т. д.).

Однако, собственно пространственные описания оказываются концептуально неустойчивыми — на них в лучшем случае можно вводить отношения порядка (больше — меньше, ближе — дальше, выше — ниже), обычно частичного (без отношения транзитивности), и поэтому они рано или поздно наделяются более определенными метрическими и геометрическими характеристиками, что дает основание говорить об определенных *геометриях*. Только одной из них является геометрия Евклида, которая, например, выполняется только на плоских поверхностях и конструкциях из них. На поверхности шара, эллипсоида или гиперболоида вращения будут выполняться неевклидовы геометрии с иными метрическими отношениями. Для описания метрических отношений последних вводятся те или иные системы координат, в которых в явном или неявном виде можно давать геометрические описания. Так, для многих современных людей система координат спонтанно связывается с поверхностью земли (включая мостовую и тротуар) или пола.

При этом геометрические описания таковы, что для них в принципе не различаются конкретные и обобщенные описания, а они будут различены только посредством специфических дейктических маркеров, которые соотносят описываемое с теми или иными реперами в определенной системе координат (системе отсчета).

Для науки совершенно традиционным является описание какого-нибудь полиморфного объекта в *фазовом* пространстве, из-

мерениями которого могут быть любые непространственные характеристики (начиная, скажем, с закона Бойля-Мариотта для газообразного тела в изотермическом процессе, представляемого графиком в фазовом пространстве p — давление газа и V — его объема — Рис. 13).

Рис. 13. Изотермический процесс в пространстве давления и объема.

При этом фазово-пространственные описания также могут быть конкретными и обобщенными. Возможность наличия первых всегда прямо или косвенно связана с дейктическими маркерами в связи с тем, что любые семиотические средства описания могут обеспечить только общую предметную отнесенность.

Приведенный обзор разных профессиональных описаний показывает наличие огромного неэксплицированного их разнообразия, которое связано с природой того, что лингвисты соотносят с локативными отношениями. При этом оказывается, что какие-то из описываемых объектов принципиально алокативны (например, архетипическое растение Гете, точнее, Турпина, «составленное»

из корня, стебля и листа [6], или объекты, располагаемые в фазовых пространствах), какие-то конкретно-локативны (и они всегда связаны с дейксисом — посредством жеста, взгляда если речь идет о местах, соотнесения с репером при оперировании с пространством и системой координат при обращении к геометрии), а какие-то панлокативны, т. е. являются универсальными для всех локативных структур (например, различение право-лево).

Среди описаний выделяются такие описания как портрет, обстановка (интерьер), пейзаж, характеристика [25: 68—75], которые выделяются на основании особенностей природы описываемого. В обсуждаемом же контексте интересно обратить внимание на другое. Описание портрета — это описание двумерного изображения двумерной поверхности в трехмерном пространстве, описания же пейзажа и обстановки — это описания, претендующие на передачу трехмерности, характеристика же вообще не предполагает обращения к какому-либо внешнему пространству и в этом отношении принципиально алокативна (что не исключает при определенном способе восприятия мира наличия той или иной внутренней топологии).

При этом, однако, обращает на себя внимание то, что претендующие на трехмерность [38] описания тяготеют к двухмерности. Так, портрет как тип описания относится только к поверхности тела и одежды. При описании интерьера вводимые в поле зрения предметы привязываются к полу, стенам и потолку, но практически никогда не описывается объем помещения (исключение может составлять описание полета мухи или бабочки в комнате, что само по себе придает тексту известную экстравагантность). Даже описание ландшафта тяготеет к двухмерности — описываемое соотносится с поверхностью земли (которая, правда, может иметь сложный рельеф) или облакам (которые могут быть многослойными), поверхности небесной сферы. То же, что нахо-

дится между ними (птицы, летательные аппараты, дымы, поднятые в воздух предметы, смерчи) описываются значительно менее детально. Поэтому, например, съемка пейзажа объективом "рыбий глаз" позволяет сделать изображение более насыщенным принципиально описываемыми деталями, сократив зрительно объем пространства между поверхностью земли и облаками, который является словесно неописуемым (Рис. 14, 15).

Рис. 14. Фотография с помощью объектива «рыбий глаз» с сохранением пропорций

Рис. 15. Анаморфоидный пейзаж Манхэттена, сокращающий площадь, занимаемую изображением воздуха.

Так или иначе, можно говорить о том, что при описании интерьера, пейзажа и даже портрета, как правило дается двумерное плоскостное описание развертки интересующего объекта, а не его трехмерное представление.

Вместе с тем, в научных исследованиях используются подлинно трехмерные описания трехмерных объектов и существует самостоятельная задача создания таких описаний. Речь идет об описаниях в топографической анатомии (причем не только чело-

века [15], но и животных [12; 13]), гистологии и цитологии, петрографии и минералогии. С этой целью изготавливаются серии параллельных срезов в разных плоскостях и далее на основании визуальных картин и математических преобразований реконструируется трехмерная структура (Рис. 16).

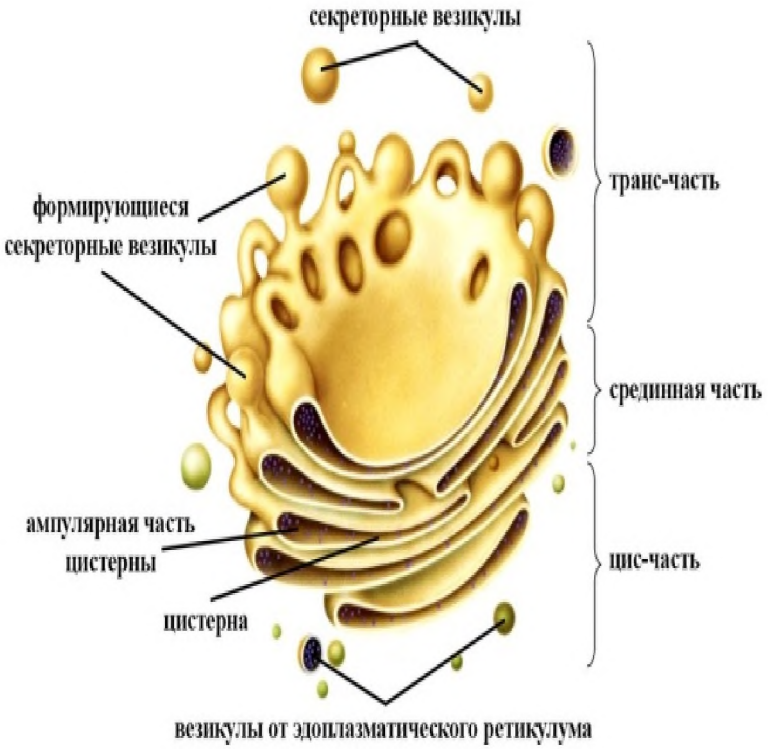


Рис. 16. Трехмерная реконструкция аппарата Гольджи.

Подобная методика исследований может давать весьма неожиданные результаты. Так, например, в гистологии до недавнего времени существовала устойчивая классификация однослойных покровных тканей — эпителиев (например, плоские, кубические, призматические). При трехмерной реконструкции оказалось, что все выделявшиеся типы эпителиев могут быть разными сечениями одной и той же ткани [34].

В настоящее время подобные трехмерные изображения массово получаются благодаря возможностям компьютерной томографии ([39]. Описания подобных реконструкций могут занимать многие страницы печатного текста. В то же время стандартизованные описания получаемых картин для целей медицинской диагностики или специальных исследований частных вопросов могут быть представлены несколькими краткими назывными предложениями. В категориях, предложенных О. А. Нечаевой, такие описания должны квалифицироваться как обобщенные характеристики.

Ключевые проблемы различения функционально-смысловых типов речи в non-fiction

Анализ подобных более или менее экзотических для филолога примеров можно продолжать неопределенно долго. Имея же в виду проблему разработки общих принципов анализа описаний, повествований и рассуждений в различных специализированных областях деятельности, представляется важным выделить несколько проблем.

Прежде всего, надо остановится на двух проблемах, связанных с различением описания и повествования.

Во-первых, представляется, что нужно увязать используемую терминологию с принятой в естествознании, к которому в неявном виде все время апеллируют филологи и лингвисты. Речь идет

о базовых категориях физики и их связи с категориями математики. Учитывая их, можно представить следующую схему соотнесения понятий:

	Без рассмотрения действующих сил	С рассмотрением действующих сил (динамика sensu lato)
Без изменений, фиксируемых с ходом часов (ахрония, синхрония)	геометрия	статика
С изменениями, фиксируемыми с ходом часов (диахрония, панхрония)	кинематика	динамика (sensu stricto)

Во-вторых, с учетом указанного, можно соотносить описания с ахронией, синхронией и панхронией или только с ахронией и синхронией. Повествование, соответственно, будет соотносится либо только с диахронией, либо с диахронией и панхронией. Во втором случае говорить об обобщенных повествованиях невозможно, т. е. их следует квалифицировать как панхронические описания.

При этом важно учитывать, что гуманитарии и философы как динамику обозначают и кинематику, и динамику (sensu stricto), хотя почти всегда подразумевают только кинематику, а геометрию и статику называют статикой, хотя чаще имеют дело с геометрией и вообще не поднимают вопрос о действующих силах. Эта недоопределенность переносится и на соответствующие констатирующие тексты, которые нередко совершенно безосновательно квалифицируются как описания или повествования.

Для того, чтобы подобные квалификации были основательны, как представляется, необходимо четкое различие места, пространств, геометрии, фазового пространства, с основанной на

этом довольно детальной типологией описаний. Другой ряд типологий задается различением а-, син-, диа- и панхронии, с декларацией в явном виде того, в каком отношении к ним находятся описания (это только а- и синхрония или еще и панхрония) и повествования (это только диахрония или еще и панхрония), различия которых снимаются при обращении к рассмотрению четырехмерного пространства-времени Минковского.

Только после того как отрефлексированы и эксплицированы отношения указанных категорий, можно думать о том, в какой мере представления об описании и повествовании как констатирующих ФСТР применимы к анализу не только дискурса повседневной жизни, но и к дискурсам специализированных видов деятельности.

Пожалуй, наиболее неопределенной оказывается ситуация с рассуждением. Дело в том, что рассуждение в обыденном общении или беллетристическом тексте всегда включается в нечто объемлющее (ситуацию диалога, литературную композицию) и занимает там относительно небольшое место. В профессиональном же дискурсе это может быть весьма сложная и объемная конструкция, демонстрация которой как таковой уместна разве что на научном семинаре. Даже лекция или научная статья, монография предполагают с целью избегания занудности ту или иную беллетризацию рассуждения, превращающую его в повествование или, скажем в математическом тексте, в описание (ср. приводимый выше пример доказательства теоремы Пифагора, только присутствие в котором слов «значит», «поскольку», «то», «отсюда» придает по сути описанию статус рассуждения). В таком случае в описании могут быть достигнуты ахроничность и алокативность строго логической структуры, являющейся идеалом структурализации рассуждения. При этом, скажем, серия суждений, связанная операцией импликации может, в свою оче-

редь, быть развернута в повествование. Также, можно отметить, что рассуждения сложнее всего представить средствами скульптуры или живописи. Однако, для их передачи могут использоваться средства когнитивной графики [43; 44].

Надо отметить, что О. А. Нечаевой была введена категория логемы, которая характеризует ФСТР с точки зрения логики. Но строго говоря, в рамках сократовских школ (соотносящих знание только с непреходящими свойствами) философии и выросшей из нее науки, категории логики применимы только к тому, что существует вне пространства и времени. С этой точки зрения, логем у большинства описаний и повествований быть не может.

Разговор же о логемах повествования в этом контексте связан с тем, что в философии XIX в. (наиболее значительный вклад в это был сделан Г. В. Ф. Гегелем) сложилось представление о логике вещей или диалектической логике, переосмысленной К. Марксом, и получившей по политическим причинам широкое распространение в Советском Союзе [16]. Это чисто философское направление целесообразно отличать от собственно логики и ее понятийного аппарата (подробный разбор и критику см. [28]).

Всю же область, рассматриваемую как логика вещей, уместнее называть **общей теорией (доктриной) дедуктивных умозаключений.** В ней выявляются, например, универсальные пространственно-временные структуры, с отношениями, подобными отношениям между логическими понятиями и суждениями. Однако, если последние мыслятся как аподиктические и допускающие аксиоматизацию, то первые всегда являются ассерторическими и поэтому в любой момент допускающими новые их варианты, так что они всегда остаются, как и всякие индуктивные суждения по аналогии, только гипотезами.

В связи с этим представляется, что введение термина «логема» не очень удачно, хотя какая-то подобная категория в общей доктрине дедуктивных умозаключений была бы вполне уместна.

Описание, повествование и рассуждение как идеализированная когнитивная модель

Описание, повествование и рассуждение, понимаемые как ФСТР (преимущественно монологические; однако ср. диалогический экфрасис как диалогическое описание [5]), как было сказано, более или менее успешно различаются в художественной прозе, публицистике, разговорной речи. При этом совершенно очевидно, что сфера приложения этого различения значительно шире. Однако, при попытке осуществить такое расширение возникают проблемы, причем довольно нетривиальные.

С одной стороны, кажется более или менее очевидным, что могут быть профессиональные описания, повествования и рассуждения, которые могут быть выполнены не только на естественном языке в его общелитературном варианте, но и на ограниченных подъязыках для специальных целей [8; 45] или искусственных языках (например, на языке математики). Таким образом, сфера приложения представлений о ФСТР резко расширяется. Однако, как говорилось, при этом увеличение строгости и формализованности повествования чревато превращением его в описание. Ужесточение структурированности рассуждения превращает его в цепочку умозключений, которую тоже скорее следует отнести к описаниям.

С другой стороны, описание и повествование как прототипы подачи материла могут быть применимы к изобразительным и пластическим искусствам. Правда, при этом приходится иметь дело со многими случаями нейтрализации описания и повествования и затруднениях передачи рассуждения.

Театр, кино, комиксы могут хорошо представлять повествование и рассуждение. Сложнее, но тоже возможна, передача с их помощью описания — пейзажа, интерьера, портрета.

При этом могут быть литературные тексты, живописные, графические, скульптурные, музыкальные, кинематографические, театральные и иные произведения, которые могут квалифицироваться как описания, повествования и рассуждения (напр., «Беседы с Сократом» Э. С. Радзинского). Довольно часто подобные произведения могут содержать незначительные фрагменты, представляющие другие прототипы (например, описание с элементами рассуждения). Такие произведения могут быть и самостоятельным документами (напр., описания изобретений [45; 46] или наполненное рассуждениями обвинительное заключение [20]; ср. построенные на рассуждениях публичные обличительные речи).

Совокупность приведенных обстоятельств наводит на мысль о том, что описание, повествование и рассуждение не функционально-смысловые типы *речи*, а некие ***универсальные когнитивные прототипы***, наличие которых связано с природой человеческой психики. Обладая таким статусом эти прототипы могут реализовываться с помощью разных семиотических средств — естественных и искусственных языков, живописи, графики, математических формул, танца, музыки и т. д. Каждое такое семиотическое средство в разной степени пригодно для выражения этих психических прототипов и будучи использовано, может склонять автора к использованию преимущественно или описаний, или повествований, или рассуждений для передачи необходимого для него содержания. При этом каждая порождаемая семиотическая конструкция представляет собой сочетание (в разном количественном соотношении) описаний, повествований и рассуждений, выраженных тем или иным набором семиотических средств, тем

самым представляя собой ту или иную конструкцию мультимодального текста, о котором шла речь в начале статьи.

При этом те обстоятельства, что описание, повествование и рассуждение часто хорошо различимы как в унимодальных, так и мультимодальных текстах, однако не всегда исчерпывают их, но при этом распознаваемы в контрастно различных уни- и олигомодальных текстах, позволяют рассматривать описание, повествование и рассуждение как идеализированную когнитивную модель (ИКМ) в понимании Дж. Лакоффа [21] и других когнитивистов. При этом эта ИКМ, как и всякая ИКМ, имеет ядро, к которому принадлежит значительное число частей семиотических конструкций, квалификация которых как описаний, повествований и рассуждений не вызывает затруднений, и периферию, содержащую фрагменты, в которых имеет место нейтрализация или статус которых вызывает иные затруднения, при размытости границы ядра и периферии.

Примечательной чертой этой ИКМ является то, что она проявляется при использовании разных семиотических средств (не только языков!), так что может быть соотнесена с когнитивными процессами как таковыми, не связанными со свойствами языка, как это обычно считается в когнитивной лингвистике, а проявляющимися при использовании разных семиотических средств.

Повторяемость этой ИКМ в рядах

— ФСТР,

— разновидностей семиотических средств,

— типов семиотических конструкций (текстов),

— видов документов

позволяет трактовать ее как рефреноид — небольшое (состоящее из трех членов) повторяющееся полиморфическое множество [48], что крайне интересно с точки зрения общих принципов ор-

ганизации полиморфизма [49] и проблематики общей морфологии [40].

* * *

В заключение автор приносит благодарность всем, сделавшим свои замечания, дополнения, исправления, принявшим участие в обсуждении работы и оказавшим техническую помощь — В. Л. Каганскому, В. А. Каймановичу, Г. Я. Мартыненко, М. В. Обориной, М. Е. Отставнову, Л. Н. Омельченко, В. П. Океанскому, Б. Б. Родоману, Г. А. Савостьянову, М. Г. Стаценко, Т. Г. Петрову, Т. Ю. Шерстиновой, Б. Ф. Шифрину.

Литература

1. Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2006. 608 с.

2. Аристотель. Физика // Философы Греции. Основы основ: логика, физика,этика. Харьков: Эксмо—Пресс, 1999. С. 589—792.

3. Арнольд В. И. Обыкновенные дифференциальные уравнения. М.: МЦНМО, 2012. 344 с.

4. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Терра—Книжный клуб, 2001. 384 с.

5. Брагинская Н. В. Генезис «картин» Филострата старшего // Поэтика древнегреческой литературы. М., Наука, 1981. С. 224—289.

6. Васильева Л. Н. Гете и Линней: две типологии // Философия права. 2007. № 3. Вып. 23. С. 41—50.

7. Гарбовский М. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи. М.: Изд-во МГУ, 1988. 141 с.

8. Герд А. С. Введение в изучение языков для специальных целей. СПб.: СПБГУ. РИО. Филологический факультет, 2011. — 60 с.

9. Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 553 с.
10. Гоманьков А. В. Геологическое время и его измерение. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. 58 с.
11. Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования: (процесс развития и проблемы его научного воспроизводства). М.: Высшая школа, 1961. 214 с.
12. Гуди П. К. Топографическая анатомия собаки. М.: Аквариум —Принт, 2006. 176 с.
13. Гуди П. К. Топографическая анатомия лошади. М.: Аквариум—Принт, 2014. 466 с.
14. Данн Дж. У. Эксперимент со временем. М.: Аграф, 2000. 223 с.
15. Золотко Ю. Л. Атлас Топографической Анатомии. Т. 1—3. М.: Медицина, 1964, 214 с., 1967, 272 с., 1976, 296 с.
16. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
17. Ионина Н. А. Сто великих картин. М.: Вече, 2003. 510 с.
18. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. Вып. IV. С. 134—152.
19. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: Проблема языкового изменения. М.: Едиториал УРСС, 2010. 208 с.
20. Крысин Л. П., Статкус В. Ф. Обвинительное заключение: язык и стиль. М.: Издательский дом «Книжная находка», 2002. 128 с.
21. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении, М., Языки славянской культуры,2004. 792 с.
22. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Теоретическая физика. Т. II. Теория поля. М.: Наука, 1988. 512 с.

23. Макклауд С. Понимание комикса. Невидимое искусство. М.: Белое яблоко, 2016. 224 с.
24. Мейен С. В. Введение в теорию стратиграфии. М.: Наука, 1989. 216 с.
25. Нечаева О. А. Функционально—смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан—Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1974. 261 с.
26. Олейников А. Н. Геологические часы. Л.: Недра, 1987. 147 с.
27. Омиров А. Ш. Влияние портрета автора на понимание текста. ВКР. СПб.: БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, 2010. 141 с.
28. Поппер К. Р. Что такое диалектика? Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118—138.
29. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001. 279 с.
30. Платон. Менон // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 575—612.
31. Плотников Н. С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 232 с.
32. Развитие учения о времени в геологии. Киев: Наукова думка, 1982. 414 с.
33. Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды. Сборник трудов. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с.
34. Савостьянов Г. А. Структурные основы биологии развития и трехмерной гистологии. Новый подход к изучению канцерогенеза. СПб.: Лема, 2020. 832 с.
35. Тэйлор Э. Ф., Уилер Дж. А. Физика пространства—времени. М.: Мир, 1971. 321 с.

36. Том Р. Ф. Математические модели морфогенеза. М.—Ижевск: НИЦ Регулярная и хаотическая динамика, Институт компьютерных исследований, 2006. 136 с.
37. Топоров В. Н. Аптекарский остров как городское урочище (общий взгляд) // Ноосфера и художественное творчество. Сборник статей. М.: Наука, 1991. С. 200—280.
38. Хамаганова В. М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семиотики и онтологии). Дисс. ... д. филол. н. по специальности 10.02.01 — русский язык. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2002. 333 с.
39. Хермен Г. Восстановление изображений по проекциям: Основы реконструктивной томографии. М.: Мир, 1983. 352 с.
40. Чебанов С. В. Представления о форме в естествознании и основания общей морфологии // Orgaanilise Vormi Teoria. X teoreetilise bioloogia kevadkool 7.—9. mai 1984. Teesid. Tartu riiklik ulikool. Tartu, 1984. С. 25—40.
41. Чебанов С. В. Язык описания таксонов. Дисс. ... к. филолог. н. Л.: ЛГУ, 1987. Т. 1—232с., т. 2—510 с.
42. Чебанов С. В. Географические типы пространственной организации поселения // Человек и город. Пространства, формы, смысл. СПб.—Женева—Салоники—Екатеринбург: Архитектон, 1998. Т. 2. С. 89—98.
43. Чебанов С. В. Когнитивная графика как способ изображения идей // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 10. М.: РАН. ИНИОН, 2020. 478 с. С. 309—376.
44. Чебанов С. В., Ершов Д. А. Когнитивная графика как техника рисования идей и проблема ее полиграфического воспроизведения // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Межвуз. сборник научн. трудов. Вып. 36. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. С. 203—210.

45. Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Семиотика описательных текстов: Типологический аспект. СПб.: СПбГУ, 1999. 424 с.
46. Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Описание как форма речи, жанр, документ // Дескриптивные практики в культуре: Сборник материалов научной конференции. 21—22 ноября 2008 года. СПб.: СПбГУ, 2011а. С. 287—306.
47. Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Типология описаний // Дескриптивные практики в культуре: Сборник материалов научной конференции. 21—22 ноября 2008 года. СПб.: СПбГУ, 2011б. С. 306—316.
48. Чебанов С. В., Найшуль В. А. Рефренность мира. Рефрен социальных институтов // Палеоботанический временник. Приложение к Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал. Вып. 2. 2015. с. 90—114.
49. Чебанов С. В., Руссо Г. В. Проблема полиморфизма в минералогии и геохимии // Интерпретация ценологических распределений. Ценологические исследования. Вып. 39. М., ТЕХНЕТИКА, 2008, с. 55-73.
50. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом Либроком, 2009. 248 с.
51. Экранная культура в XXI веке. Под ред. В. В. Виноградова, К. К. Огнева, С. Л. Уразовой, В. Л. Цвик. М.: ФГОУ ДПО ИПК работников телевидения и радиовещания, 2010. 480 с.
52. Erschler A., Kaimanovich V. Arboreal structures on groups and the associated boundaries. 2019. URL: https://arxiv.org/pdf/1903.02095v1.pdf
53. Goldberg A., Allis D., Bernstein E. Epigenetics: a landscape takes shape // Cell. 2007. № 128. Pp. 635—638.